

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ АНГЛИИ XVI—НАЧАЛА XVII ВВ.: НОСИТЕЛИ ВЛАСТИ И СТРУКТУРА ИНСТИТУТОВ

Вопрос о политической системе, безусловно, является одним из самых важных при изучении истории той или иной страны. Однако даже простое описание системы государственных учреждений абсолютистской Англии представляется очень трудной задачей. Система эта складывалась веками, возникали новые институты, менялись функции старых. В Англии не существовало единого официального документа, четко фиксирующего полномочия всех или хотя бы некоторых учреждений. Их полномочия опирались на традицию, которая, как известно, представляет прекрасную возможность для самых разнообразных толкований. В XVI в. представители различных судебных и административных органов, стремясь расширить границы полномочий своих институтов, особенно активно пользовались этим. В современной историографии пока мало работ, посвященных конкретным административно-судебным органам¹. Особенно неудовлетворительной следует признать ситуацию в области изучения истории общего права — центральной и наиболее почитаемой правовой системы, которая вместе с тем сохраняла наибольшее число архаичных черт. Раз уж мы упомянули об архаичности судебной системы, то добавим к этому, что сама по себе архаичность не является особенностью, присущей только английскому государственному аппарату. Но, по-видимому, в Англии как ни в какой другой европейской стране приверженность к старому и национальному не выступала столь отчетливо.

Общее право начало создаваться в XII—XIII вв., и суды общего права вплоть до начала XVI в. составляли ключевое звено центральной, королевской власти. Эта правовая система формировалась как результат творчества королевских судей, разбирающих дела, опираясь на опыт своих предшественников. Основным источником общего права, таким образом, стал судебный прецедент. Разбирая дела по аналогии, судьи тем самым создавали, творили правовую норму, правовой принцип. Нормы принимали окончательную форму в ходе

многочисленных судебных повторений. Сам процесс судебного разбирательства являлся в то же время и процессом сохранения правовых норм и передачи их от поколения к поколению. При трансляции и восприятии норм новыми поколениями, нормы медленно менялись и адаптировались к новым условиям. Однако сами современники, как правило, этого явления не замечали, воспринимая правовые нормы как неизменные и вечные.

С XIII в. судебные прецеденты фиксировались в «Ежегодниках», а с XVI в. — в судебных отчетах, которые стали издавать судьи. Кроме этих источников, судьи опирались на трактаты наиболее выдающихся юристов прошлого — Гленвилля, Брактона, Флеты, Бдиттона, Литтлетона, Фортескью — и парламентские статуты. Главными авторитетами в вопросах права считались судьи трех главных королевских судов — суда королевской скамьи, суда общих тяжб и казначейства, которые должны были следить за тем, чтобы общее право не страдало от искажений и исправлений.

Другой правовой системой, которой также пользовались в Англии, хотя и в более ограниченных пределах, были адаптированные к внутренним нуждам нормы гражданского (римского) права. Опираясь на нормы гражданского права, осуществляли свою деятельность церковные суды, адмиралтейство, рыцарский суд и некоторые другие.

Особенно следует сказать о парламентских статутах. Их принимал парламент по самым разнообразным поводам. Например, юрисдикция прерогативных судов, появившихся в конце XV — начале XVI вв., опиралась на эти статуты. Судьи общего права считали их своеобразной декларацией, фиксацией принципов общего права. Авторитет статут был очень высок, они являлись источником права для любого судебного института.²

Итак, в конце XVI — начале XVII вв. существовало несколько параллельных правовых систем и довольно громоздкая система учреждений. Сегодня некоторые из них могут показаться совершенно лишними и абсурдными, однако современники не сомневались в их целесообразности и необходимости. В качестве примера можно упомянуть суд и совет герцога Ланкастерского, созданный английским королем Генрихом IV (1399—1412). Юрисдикция этого института существовала не только параллельно с юрисдикцией центральных судов, но, так сказать, чересполосно с ней, ибо действовала на всех землях герцога Ланкастерского, независимо от их расположения.³

В начале XVII в. в Англии существовало приблизительно 76 институтов. Все они описаны Эд. Коком в его «Институциях»⁴. Эти органы соединяли в себе административные, судебные, а иногда и законодательные функции. Не случайно Эд. Кок называл их «судами». Поэтому, безусловно, прав Е. Айвез, когда пишет, что не су-

ществовало четких разграничений «между администрацией и правосудием».⁵

Главой этого сложного правительственного механизма считался король. Однако ряд институтов обладал фактической независимостью от королевской власти. Прежде всего это касается судов общего права, которые всячески сопротивлялись попыткам короны поставить их деятельность под контроль. Эд. Кок пишет, что король не может вмешиваться в вопросы судопроизводства, потому что когда-то его предки распределили свои судебные полномочия между отдельными судами. Апелляция к королю, если таковая будет иметь место, — бессмысленна, считает Эд. Кок, ибо из рук короля невозможно получить решение по делу. «Король судит, но судит через своих судей. Распределив свою судебную власть между различными судами, король передал все вопросы судопроизводства своим судьям».⁶ Отметим, что сам по себе факт существования судов расценивался очень высоко. Законы королевства, как считалось, призваны обеспечивать, гарантировать вольности, права, привилегии подданных, а деятельность самих судов рассматривалась, с одной стороны, как проявление закона, а с другой, как проявление вольностей (That courts of justice are also libertates, because in them the laws of the Realm que liberos faciunt, are administred).⁷

Понятно, что этот принцип, на основе которого, по мнению Эд. Кока, должны строиться отношения между королевской властью и судами общего права, придуман не им. Своими истоками это положение, вероятно, восходит еще к XIII в., когда королевская курия перестала справляться со все усложняющимися обязанностями, и в ее деятельности наметилась определенная «специализация». XII век выделяется исследователями в качестве главного этапа в процессе складывания судебной системы Англии средних веков, а время правления Генриха II (1154—1189) считается «одной из самых переломных эпох в истории общего права».⁸ Именно в XII—XIII вв. из королевской курии выделились вначале казначейство, а затем суд общих тяжб, суд королевской скамьи и канцелярия. Разиденцией этих институтов стал Вестминстер. Король не мог председательствовать на заседаниях всех судебных институтов одновременно. Кроме того, король редко наезжал в Лондон, поэтому на заседаниях присутствовать не мог. Отсюда, по-видимому, берет начало традиция, которая затем приняла форму того принципа, о котором пишет Эд. Кок.

Созданный в XII—XIII веках аппарат без особых изменений просуществовал до конца XV века. Суд казначейства ведал различными финансовыми поступлениями и разбирал связанные с ними дела. В суде общих тяжб разбирались имущественные дела. В суд

королевской скамьи направлялись уголовные дела, так называемые «тяжбы короны». Что касается канцелярии, то первоначально этот институт занимался сугубо «канцелярскими» обязанностями — составлял и рассылал различные государственные бумаги, скрепляемые канцлером большой королевской печатью. Это учреждение вначале не обладало судебными функциями. Поэтому Флета, трактат которого являлся важным источником по истории английского права XIII века, в отношении канцелярии термин «суд» не употреблял⁹. Но канцелярия сыграла важную роль в процессе формирования общего права, ибо здесь издавались судебные приказы, которые затем направлялись в соответствующие суды для возбуждения дел. Позднее некоторые категории приказов начали издавать суды общего права. В отличие от канцелярских приказов, которые назывались оригинальными и скреплялись большой королевской печатью, приказы судов именовались судебными и скреплялись печатями судов¹⁰.

Общее право возникло как право земли (a law of land), т. е. основными объектами деятельности судов общего права были дела, связанные с регулированием земельных отношений, различного рода держаний, пожалований и т. п. Суды общего права собирались четыре раза в год на свои судебные сессии, что составляло приблизительно 12 недель. После окончания судебной сессии судьи и практикующие в судах юристы покидали Вестминстер¹¹.

Судьи общего права обладали значительным влиянием. Но не они, конечно, определяли политическую ситуацию в стране. Основным носителем власти в государстве в XV веке, помимо короля, был Королевский совет, состоящий из могущественных, часто оказывающих сопротивление королю магнатов, между которыми отсутствовало единство. Шла борьба между различными аристократическими семьями. Известно, что, когда при Генрихе VI герцог Суффолк, став вначале королевским стюардом, а затем чемберленом, сосредоточил значительную власть в государстве в своих руках, то это вызвало недовольство других магнатов. Недовольство, проявившееся в деятельности парламента 1450-го года и в восстании Дж. Кеда. Магнаты полностью контролировали ситуацию в своих графствах, проводя на должности мировых судей, этих руководителей провинциальных администраций, своих людей¹². Графства, города, местечки имели собственные органы самоуправления. Кроме норм общего права, жизнь здесь регулировалась и традиционными обычаями¹³. Иначе говоря, общество оставалось еще партикулярным и самоуправляющимся, власть государства над ним была пока незначительной.

Мировые судьи, оттеснившие шерифов и ставшие во главе про-

винциальной администрации, четыре раза в год, на «четвертных сессиях», разбирали самые разнообразные преступления. В ходе «четвертных сессий» отбирались более серьезные преступления, которые затем выносились на ассизу. Важным компонентом судопроизводства — будь то центральные или провинциальные суды — являлось жюри. Следует различать «большое» и «малое» жюри. Большое жюри, состоящее из 24 человек, рассматривало имеющиеся в его распоряжении данные и решало вопрос о наличии состава преступления. Большое жюри призвано было формулировать предварительное обвинение (Indictment), либо выносить решение об отсутствии в деле состава преступления (Ignoramus). Затем дело попадало к малому жюри, решавшему вопрос о виновности или невиновности обвиняемого. В присутствии членов жюри и судей производился опрос свидетелей под присягой. Если жюри решало вопрос о виновности обвиняемого, то судьи решали вопросы права, т. е. определяли ту юридическую норму, под которую, по их мнению, подпадало то или иное преступление¹⁴.

Процедура разбора дел, особенно имущественных тяжб, была крайне долгой. Начиналась она с приобретения дорогостоящего приказа либо в канцелярии, либо в одном из судов общего права. Покупая приказ, истец не только вносил за него плату в казну, но и вынужден был платить клерку за его составление. Приобретение приказа, однако, еще не было гарантией того, что разбирательство дела обязательно состоится. Истец должен был сам позаботиться о доставке ответчика в суд. А сделать это было непросто, а иногда и небезопасно. Например, в 1609 г. некая Элинор Варни доставила такой приказ некоему Росуэлу. Последний «силой вырвал у нее это предписание и отказался вернуть его, а также нанес удар имеющимся в его руке посохом одному из стоящих рядом с ним»¹⁵. Известно, что в течение пяти лет некто Хигфорт пытался взыскать 20 фунтов с отца английского драматурга У. Шекспира, и тот трижды не являлся на судебные заседания¹⁶. Даже появление ответчика в суде и вынесенный приговор далеко не всегда возвращали истцу его деньги.

В конце XV—начале XVI века суды общего права переживали кризис и не пользовались особой популярностью в стране. Проходившие в XV в. войны Роз в значительной степени способствовали этому. Во время войны между Ланкастерами и Йорками суды общего права показали свою полную неспособность обеспечить мир в государстве, оградить страну от смут, мятежей и потрясений. Дело доходило до того, что сами судьи принимали участие в военных действиях. В судах царил атмосфера взяточничества и коррупции. Не-

редки были случаи подбора нужного состава жюри для суда над своими политическими противниками¹⁷.

Тюдоры, придя к власти, сразу же ощутили потребность в создании нового исполнительного и судебного аппарата, способного осуществлять эффективный контроль над обществом. Такая система должна была быть полностью подчинена королю, поэтому старые судебные институты новую династию не удовлетворяли. Процесс создания новых учреждений не был простым. В силу приверженности ко всему традиционному, свойственной человеку средних веков, новые институты не могли просто прийти на место старых. Поэтому они либо стали вырастать из старых, либо надстраиваться над старыми, стремясь отеснить последние и захватить часть их полномочий. Отсюда происходили частые столкновения между различными государственными учреждениями Англии XVI—начала XVII века.

На сегодняшний день в английской историографии существует две точки зрения на этот процесс. Первая принадлежит профессору Кембриджского университета Дж. Элтону, автору концепции «тюдоровская революция в управлении». Он считает, что основной комплекс преобразований государственной системы Англии был выдвинут в начале XVI века Томасом Кромвелем и реализован в период его пребывания у власти в 30-х годах XVI века. В эти годы произошли изменения не только в церковной сфере, но изменился во многом государственный механизм управления страной. Появилось шесть новых финансовых учреждений, призванных проводить более эффективную финансовую политику. Реальной носительницей власти стала бюрократия, занявшая командные должности в верховном органе страны — Тайном совете, созданном в 1540 г. Для более эффективного контроля над жизнью общества были созданы новые судебные институты — прерогативные суды. Знать во многом утратила былое могущество. Ее представители собирались при дворе, где занимались и политикой, и интригами друг против друга. Наиболее могущественные провинциальные семьи делегировали своих представителей в парламент, который король собирал прежде всего для поддержания контактов с элитой господствующего класса, для информирования ее о своих политических замыслах и для поиска с ней компромисса¹⁸.

Вторая точка зрения принадлежит более молодым историкам, взгляды которых наиболее последовательно выражены Д. Старком¹⁹. По их мнению, понимание необходимости перемен в административной и судебной сфере присутствовало уже в XV веке, в частности у королей из династии Йорков. Поэтому правильнее говорить не о революции в системе управления страной, а об ее эволюции. Мно-

гие изменения, приписываемые Дж. Элтоном Т. Кромвелю, либо были задуманы, либо даже начали осуществляться до него. Так, например, Дж. Гей считает, что факт учреждения Тайного совета в 1540 г. следует рассматривать не столько в качестве результата мер, предпринятых Т. Кромвелем, сколько следствием политики, проводимой раньше кардиналом Уолси²⁰. Сторонники этого направления отмечают во многом искусственность построений Дж. Элтона, отделяющего «политику» от «управления», а «советников» от «придворных». Тайный совет возник как часть королевского «хаузхолда», т. е. структуры учреждений, занятой обслуживанием личности монарха и ведением его дел. К таким учреждениям относились кухня, конюшня, «ближняя комната» (Privy chamber), спальня и т. д. Лица, занимающие здесь высшие должности (особенно это касается «ближней комнаты» и спальни), играли важную роль при дворе. Они же, за исключением периодов пребывания на престоле лиц женского пола — Елизаветы и Марии Тюдор, — входили в Тайный совет. Степень влияния того или иного человека в государстве зависела от степени близости к монарху. Поэтому реальными носителями власти в Англии XVI—начала XVII вв. были лидеры различных фракций, имеющие доступ к монарху, занимающие ведущие должности при дворе, в Тайном совете и протаскивающие своих клиентов в различные государственные учреждения. При Генрихе VIII это арагонская фракция, фракция Анны Болейн, фракция Томаса Кромвеля. При Эдуарде VI это фракции герцогов Сомерсета и Нортумберленда. При Елизавете Тюдор — фракции Уильяма Сессилия, Уолсингема, Лейстера, Эссекса. При Якове I — фракция Роберта Сессилия и шотландская фракция, на смену которой пришла фракция герцога Бэкингема. При Карле I фракции герцога Бэкингема, графов Пемброка и Эрандела.

Не беря на себя смелость подводить итоги дискуссии, отметим, что, по-видимому, начиная со второй половины XV века, в Англии шел эмпирический поиск новых более совершенных форм управления королевством. Поиск, получивший наиболее полную реализацию в годы правления Елизаветы Тюдор.

Изменения коснулись прежде всего Королевского совета, который обладал уже судебными функциями. Считалось, что совет может возбудить дело, получив петицию с соответствующей просьбой. Кроме того, в совете обозначилось выделение трех органов — Совета Звездной палаты, Сопровождающего совета и Ученого совета. Известного сегодня правила, что член одного совета не может быть членом другого, тогда не существовало, поэтому часть лиц входила во все три совета одновременно. Наиболее представительным в XV веке считался Совет Звездной палаты, в который, помни-

мо должностных лиц и юристов, входили и представители знати. Все заседания в Звездной палате, проходившие с октября по июнь, должен был вести лично король, а в его отсутствии — лорд-канцлер. В летние поездки по стране король отправлялся с Сопровождающим советом. Ученый совет, наряду с казначейством, осуществлял фискальные функции.

Первоначально в Совете Звездной палаты разбирались политические и юридические вопросы. С течением времени, последние, однако, начали преобладать, и совет полностью превратился в суд — Звездную палату. — расследующий наиболее тяжкие государственные преступления — подготовка мятежей, заговоров, публикация «возмутительных памфлетов», — подрывающие стабильность государства. Поскольку общее право вообще не было знакомо с такими деяниями и, следовательно, не квалифицировало их как преступные, парламент принял ряд статутов (1487, 1529, 1535 гг. и др.), на которых и основывалась юрисдикция Звездной палаты. Звездная палата была первым из прерогативных судов, появившихся в XVI веке. По своему составу Звездная палата стала одним из самых представительных судебных органов: в него входили все члены созданного в 1540 г. Тайного совета, главный судья королевской скамьи, канцлер Англии.

Путешествуя с королем по стране, Сопутствующий совет часто разбирал дела беднейшей части населения, обращавшейся к королю с жалобами. Постепенно эта функция стала для него определяющей, и он превратился в другой прерогативный суд — Палату прошений, который стал заседать в Вестминстере.

После казни в 1509 г. Генрихом VIII главных финансистов своего отца — Эмпсона и Дадли, Ученый совет, как фискальный орган, прекратил свое существование. И в дальнейшем под этим названием фигурирует орган, консультирующий короля по наиболее важным вопросам права. Часть фискальных функций старого Ученого совета перешла к новому институту — Суду по делам опеки²¹.

Для контроля за отдаленными районами страны были учреждены Советы Севера и Уэльса, которые также считались прерогативными судами. При проведении Реформации создавались церковные комиссии, визитирующие церковные епархии и секуляризирующие собственность. Со второй половины XVI века они превращаются в постоянно действующий орган — Высокую комиссию. Общим для всех прерогативных судов было то, что здесь использовались процессуальные нормы гражданского права.

Члены Тайного совета и должностные лица, ведущие дела самого короля, обладали наибольшими возможностями влиять на выработку политики королевства. Тайный совет создавался как компакт

ный, небольшой по численности орган. Если один из последних Королевских советов (совет 1527 г.) насчитывал примерно 60—70 членов и включал как представителей знати, так и должностных лиц, то Тайный совет 1540 г. преимущественно объединил руководителей различных ведомств. Всего в первом Тайном совете состояло 19 человек. В него вошли канцлер Англии, лорд-казначей, который в будущем превращается в первого министра и главу правительства, лорд-стюард, хранитель печати Тайного совета, главный чемберлен, лорд-адмирал, чемберлен хаузхолда, вице-чемберлен, конюший, первый секретарь и главы различных финансовых ведомств (*chancellors of Augmentations and First Fruits*). В дальнейшем численный состав Тайного совета менялся. При Эдуарде VI и Марии Тюдор сюда вновь начали включать представителей знати, что привело к увеличению совета почти в два раза. При Елизавете совет, напротив, был сокращен и насчитывал в среднем около полутора десятков членов. Тогда же все возрастающее влияние начал приобретать институт государственных секретарей, обязанности которых не были четко определены и им приходилось, как об этом писал Роберт Сесиль, бывший на этой должности с 1596 г., заниматься как внешней, так и внутренней политикой. С конца XVI века в состав Тайного совета стали включать и главного судью королевства²².

В состав Тайного совета включались и представители «ближней комнаты» короля. По мнению Д. Старка, которое, правда, оспаривается Дж. Элтоном²³, уже в первом Тайном совете было 5 или 6 членов «ближней комнаты». Это были реальные носители власти. К сожалению, пока нет исследований, прослеживающих динамику формирования правящих фракций и изучающих связующие их узы. Однако в порядке гипотезы можно предположить, что в основе лежали родственные и деловые связи. Например, при Елизавете Тюдор значительное количество государственных должностей занимали ставленники клана Сессилей. Сам Уильям Сесиль, лорд Берли, вначале занимал пост государственного секретаря, а затем лорда-казначея. Его сестра была замужем за Николасом Бэконом, хранителем большой королевской печати. Сын Уильяма Сессиля, Роберт, стал государственным секретарем еще при жизни отца. Его племянница вышла замуж за брата Кристофера Хаттона, одного из фаворитов Елизаветы Тюдор. Овдовев, она вновь вышла замуж за преуспевающего к клану Сессилей Эд. Кока, сделавшего карьеру от генерального атторнея до главного судьи королевства и члена Тайного совета. К этому же клану, по-видимому, принадлежал и канцлер Англии Томас Эллисмер²⁴. Представители кланов контролировали значительное число мест в нижней палате парламента²⁵. Например, в парламенте 1626 г. один из наиболее последовательных противников Бэкингема Уильям Херберт.

граф Пемброк, являющийся лордом-лейтенантом графств Сомерсет и Уолтшир, контролировал в палате общин 12 мест. Одно из этих мест занимал видный деятель оппозиции Джон Селден²⁶. Отметим, что лидер другого враждебного Бэкингему клана Томас Ховард, граф Эрандел, являлся родственником графу Пемброку. Кроме того, и Пемброк, и Эрандел, и Селден, и другой видный деятель оппозиции Роберт Коттон являлись членами Виргинской компании²⁷.

Англия конца XVI—начала XVII вв. еще не имела политических партий. Основными носителями власти были представители различных кланов, занимающие ведущие должности в аппарате управления страной. Основу оппозиции Стюартам составляли также представители различных кланов и фракций, контролирующие частично парламент, местное самоуправление и ряд государственных учреждений. Оппозиция была противоречива по своим целям и задачам. Клан и фракция едва ли были способны предложить последовательную политическую программу. Такая программа только ослабляла их. Так, например, идея о выкупе у короля его прав верховного сюзерена, предложенная в начале XVII в. Робертом Сесилем и Томасом Эллисмером, не получила поддержки ни со стороны короля, ни со стороны парламента, ни внутри самого клана Сессилей. Это в конечном счете ослабило клан, и после смерти Роберта Сессилия в 1612 г. его сторонников быстро оттесняют члены шотландской фракции, возглавляемые фаворитом Якова I Робертом Карром, герцогом Сомерсетом.

Что касается традиционных учреждений, то в течение всего XVI века они перестраивались, стараясь приспособиться к новым условиям. Судебные органы стали стремиться приобрести или расширить свое право разбирать имущественные тяжбы, которые приносили наибольший доход. От этого страдала юрисдикция суда общих тяжб. В XVI веке Суд королевской скамьи, казначейство и канцелярия разбирали различные имущественные тяжбы.

Канцелярия занимала особое место в административно-судебной системе. Она не являлась прерогативным судом, но именно в канцелярию еще в XV веке стали поступать петиции с просьбами разобрать то или иное дело, неподпадающее под общее право. Как и петиции Королевского совета, так и петиции канцелярии адресовались королю, поскольку, считалось, что именно он разбирает их. Современники полагали, что жалобы монарх разбирает по справедливости и выносит решения, руководствуясь своей совестью. Процедура разбора такого рода дел получила название «права справедливости»²⁸. Эта юридическая концепция получила свою разработку в работах видных английских юристов XVI века — К. Сент-Джермена, Э. Хейка, Э. Плоудена. Все они, будучи юристами общего права, высоко тем не менее оценивали «право справедливости» и деятельность королев-

ской канцелярии. По их мнению, «право справедливости» призвано дополнять нормы общего права²⁹. Как и прерогативные суды, канцелярия заимствовала процедуру разбора дел из римского права³⁰.

В конце XVI — начале XVII вв., благодаря деятельности Томаса Эллисмера, авторитет канцелярии особенно вырос. С целью ускорения процедуры судебного разбирательства он запретил принимать в свой суд дела, стоимость причиненного ущерба в которых составляла менее 20 фунтов. Т. Эллисмер начал штрафовать клерков за затяжку судебных разбирательств. Была упорядочена процедура издания приказов, окончательно определена форма каждого из них. Стремясь упорядочить практику выдачи приказов, он пошел на то, чтобы узаконить ту дополнительную плату, которую клерки взимали за их составление, а также определил ее размеры³¹.

Канцелярия, укрепляющая и расширяющая свои полномочия, встречала сопротивление со стороны судов общего права и тех групп юристов, которые получали свои основные доходы от занятий адвокатской практикой в этих судах. В начале XVI в. это были королевские сержанты, резко критиковавшие К. Сент-Джермена за защиту «права справедливости»³².

В начале XVII в. прерогативные суды, контролирующие жизнь общества и проводившие политику короны в жизнь, подвергались резкой критике. Критика раздавалась и в адрес канцелярий. Об этом говорил Томас Эллисмер, комментируя ход парламентской сессии 1610 года. Он жаловался, в частности, на то, что нижняя палата присвоила не принадлежащее ей право разбирать действия должностных лиц и целых институтов — церковной комиссии, Советов Севера и Уэльса, Звездной палаты, канцелярии и т. д.³³

В последующем нападки на канцелярию и «право справедливости» продолжались. Уже упоминавшийся юрист общего права и один из лидеров нижней палаты парламента 20-х годов Джон Селден писал, что справедливость в праве — это то же, что дух в религии. Справедливость может истолковываться по-разному. У одних она ассоциируется с совестью, у других — с правом, а у третьих — с процессуальными нормами канцелярии. По его мнению, само употребление понятия «справедливость» в отношении деятельности канцелярии является «жульничеством». Ибо когда речь заходит о законе, то под ним, подчеркивает он, следует разумеать определенную норму или меру. Тогда как справедливость правильнее будут соотносить не с определенной мерой, а с совестью человека, являющегося на данный момент лордом-канцлером. Мера этой канцлерской совести никому неведома, у одних канцлеров она — шире, у других — уже. Поэтому сам Дж. Селден сравнивает совесть канцлера с его ногами. «Один

канцлер имеет длинные ноги, другой — короткие, а третий — ноги разной длины. Так же обстоит дело и с канцлерской совестью»³⁴.

Эд. Кок, считая юрисдикцию канцелярии экстраординарной, оставлял ей вспомогательные функции: разбирать дела, не подпадающие под общее право. «Все дела, которые подпадают под общее право, должны разбираться в судах общего права. Там, где достаточно ординарной юрисдикции, никто не должен прибегать к экстраординарной», — пишет он, ссылаясь на решение судей от 1578 г.³⁵.

Судебные институты изыскивали различные пути для расширения границ собственных полномочий. Суд королевской скамьи, например, воспользовался своим правом разбирать уголовные дела о нарушении границ владений, покушений на чужую собственность (*trespass*), биллем от Мидлсекса и приказом *latitat*. Формулировка *trespass* обладала универсальностью, и судьи Суда королевской скамьи распространили эту процедуру на имущественные тяжбы. Теперь человек мог обратиться с любым иском в Суд королевской семьи и под предлогом *trespass* получить билль от Мидлсекса, предписывающий шерифу графства Мидлсекс, в котором находился Вестминстер, арестовать и доставить ответчика в Суд королевской скамьи. Ответчик, как правило, отсутствовал в графстве. Тогда издавался приказ *latitat*, который предписывал схватить ответчика в любом графстве Англии, как лицо, скрывающееся от правосудия. Несмотря на громоздкость этой процедуры, она избавила истца от необходимости самому доставлять ответчика в суд. Вскоре подобные приказы появились в казначействе (*quominus*) и Суде общих тяжб (*quoque clausum tregi*)³⁶.

Приведем характеристики, которые дает Эд. Кок Суду общих тяжб и Суду королевской скамьи.

Суд общих тяжб занимается имущественными тяжбами, накладывает штрафы и добивается возмещения нанесенных кому-либо убытков³⁷.

Судебное разбирательство в этом суде начинается после получения оригинального приказа из канцелярии. Однако, если дело касается должностных лиц этого суда, то суд общих тяжб может сам возбуждать дела. Без приказа канцелярии Суд общих тяжб отправляет «приказ о запрещении» в нижестоящие церковные и светские суды, когда они выходят за пределы своих полномочий³⁸. Главный судья Суда общих тяжб назначается королевским патентом и только из числа королевских сержантов. Его юрисдикция охватывает всю территорию Англии³⁹. Суд общих тяжб появился раньше Суда королевской скамьи. Судьи обоих этих судов призваны следить за тем, чтобы не вносились изменения в законы. Всего судей в суде общих тяжб — четыре. Ни один из судей не имеет права получать какую-либо должность или вознаграждение от кого бы то ни было, кроме короля.

Штат Суда общих тяжб состоит из трех протонатариев и большого числа клерков⁴⁰.

В отношении Суда королевской скамьи Эд. Кок более многословен. Суд королевской скамьи занимается тяжбами короны. К ним относятся случаи государственной измены и другие тяжкие, уголовно наказуемые преступления. Кроме того, Королевская скамья призвана следить за деятельностью остальных судов и исправлять их ошибки. Поскольку «король не может быть судьей в собственном деле», судьи, которым он когда-то передал свои судебные полномочия, судят и выносят решения по всем делам сами⁴¹.

Суд королевской скамьи должен следить за тем, чтобы не нарушался мир в королевстве, не притеснялись подданные, пресекать вражду и споры. Он может издавать приказ «*Habeas corpus*», освобождающий человека из-под стражи, и «приказ о запрещении», с целью удержать нижестоящие суды «в границах их юрисдикции»⁴².

Судебное разбирательство в этом суде может начинаться как после получения приказа из канцелярии, так и с подачи билля. С подачи билля Суд королевской скамьи разбирает имущественные тяжбы, а именно: долговые обязательства, дела о захвате чужого имущества, случаи расторжения договоров⁴³. Эд. Кок пишет, что Королевская скамья стала разбирать гражданские дела потому, что Суд общих тяжб не справлялся с разбором «всех тяжб подданных». Юристы, занимающиеся адвокатской практикой в Королевской скамье, должны быть такими же опытными и искусными, как сержанты, практикующие в Суде общих тяжб. Ошибки Суда королевской скамьи исправляет только парламент⁴⁴.

Поскольку считается, что судебные разбирательства в Суде королевской скамьи ведутся в присутствии короля, то и судьи этого суда считаются верховными авторитетами в вопросах права и «хранителями мира» в государстве. Хотя в Королевской скамье король восседает на возвышении, а судьи — у его ног, на скамье пониже, «право отправления правосудия принадлежит только судьям»⁴⁵.

Система английского правосудия представлялась главному судье королевства в виде многочисленных рек и ручьев, имеющих один источник. Источником этим являлся Суд королевской скамьи⁴⁶. Верховная власть его состоит в том, что он может затребовать любое уголовное дело⁴⁷. Все судьи Суда королевской скамьи назначаются королевскими патентами. Их полномочия характеризуются словами 1. *Capitales*; 2. *Generales*; 3. *Perpetui*; 4. *Majores latere, regis residentes*. 1. *Capitales* — означает, что им принадлежит верховная юрисдикция в королевстве. 2. *Generales* — что их юрисдикция действует по всей территории страны. 3. *Perpetui* — что они не могут быть заменены без должных оснований. 4. *Majores latere, regis residentes* —

что их честь и безопасность находятся под охраной непосредственно монарха⁴⁸. Судьи Суда королевской скамьи, как и судьи Суда общих тяжб, назначаются из числа сержантов. Король имеет право увольнять своих судей⁴⁹.

В конце XVI—начале XVII вв. суды общего права являлись самостоятельной социальной силой. Отстаивая свою независимость, свое верховенство в вопросах права, они нередко конфликтовали с прерогативными и церковными судами. Более того, они оказывали сопротивление самой королевской власти, которая стремилась установить контроль над их деятельностью. Король и члены правительства понимали, что, истолковывая традицию, подбирая прецеденты, судьи могут создавать нужные короне нормы и легализовывать нужные короне перемены. После изгнания в 1619 г. Эд. Кока с должности главного судьи королевства короне удалось добиться почти полной покорности судей⁵⁰. Однако и впоследствии, выполняя распоряжения короны, в частности легализуя вводимые ею налоги, судьи иногда проявляли строптивость. Так было в 1626 г., когда главный судья королевства Джеймс Уайтлок (в начале XVII в. активный критик политики Якова I) отказался узаконить вводимый Карлом I принудительный заем.

Создав довольно эффективную систему и подчинив старые учреждения, королевская власть все же не сумела установить полный контроль над жизнью общества. Ее влияние в тех провинциях, где действовали органы местного самоуправления, а не прерогативные суды, было незначительным. Корона и фракция, находящаяся в данный момент у власти, были зачастую неспособны обеспечить преобладающее представительство своих сторонников в парламенте. Как показывает недавно появившееся исследование М. Кишланского, выборы в нижнюю палату были не столько состязанием между отдельными людьми, тем более партиями, сколько дополнительным подтверждением преобладающего положения той или иной семьи в данном провинциальном графстве или городе⁵¹. Клиенты провинциальных семей, могущественных лордов двора, Тайного совета, естественно, отстаивали интересы патронов, тех кланов и фракций, к которым они принадлежали. Партикулярные интересы преобладали над национальными. Отсюда сложность и неоднозначность политической ситуации, которая характерна для предреволюционной Англии. Нередко члены фракций, находящихся в оппозиции, получив власть, становились активными проводниками политики короны в жизнь. Достаточно хрестоматийен пример Томаса Вентворса, лорда Страффорда. В начале он был активным деятелем парламентской оппозиции, а затем членом правительства, начавшим создавать в Ирландии армию для борьбы с непокорным парламентом. Известно, что и Френсис Бэкон, тщетно добивавшийся должностей у Елизаветы Тюдор, часто выступал в парламентах 90-х

годов XVI века с нападками на политику королевы. Начав при Якове I движение по административной лестнице, он становится верным «львом у подножия королевского трона».

Фракционность и клановость, как особенность политической ситуации предреволюционной Англии, нуждается в дальнейшем изучении. Необходимо установить взаимозависимость между этой особенностью и революцией.

Политическая ситуация в Англии в течение последних 15—20 предреволюционных лет характеризуется некоторым однообразием, когда у власти практически все время находится фракция, возглавляемая герцогом Бэкингемом. Это, естественно, мешало реализации политических амбиций других представителей элиты. Ситуация в стране осложнялась постоянным бюджетным дефицитом. Стремление короны решить свои финансовые проблемы за счет поданных затрагивало интересы всех кланов и фракций, одновременно объединяя их.

Примечания

1. Jones W.J. The Elizabethan Court of Chancery. — Oxford, 1967; Gay J. A. The Court of Star Chamber and Its Records to the Reign of Elizabeth I. — L., 1985.
2. Наиболее полно государственная система Англии XVI—XVII вв. освещена в следующих работах: Holdsworth W. A. A. History of English law. — L., 1924. — Vol. I, IV—VI; Plucknett T. F. A concise history of the Common law. 5th ed. — L., 1956; Ogilvie Ch. The King's government and the common law, 1471—1641. 3 Oxford, 1958; Russel C. The crisis of Parliament. English history, 1509—1660. — Oxford, 1971; Graves M. A. R., Silcock R. H. Revolution, reaction and triumph of conservatism. English history, 1558—1700. — Auckland, 1984; Smith A. G. R. The Emergence of a nation state. The commonwealth of England, 1529—1660. — L., 1984.
3. Russel C. Op. cit. — P. 47.
4. Coke E. The Institutes of the laws of England, concerning the jurisdiction of courts. Pt. 4. — L., 1644.
5. Ives E. W. Social Change and the law // English revolution, 1600—1660 / Ed. by E. W. Ives York. — 1969. — P. 120.
6. Coke E. The Institutes, pt. 4. — P. 41.
7. Idem. The Institutes of the laws of England, concerning the exposition of many ancient and other statutes. 3d ed. pt. 2. — L., 1669. — P. 4.
8. Plucknett T. F. Op. cit. — P. 16.
9. Ibid. — P. 163.
10. Ibid. — P. 163—165; Ogilvie Ch. Op. cit. — P. 5—14.
11. Plucknett T. F. Op. cit. — P. 177—178.
12. Гутнова Е. В. Английское феодальное государство в XIV—XV вв. // Средние века. — Вып. 50. — 1987. — С. 68; Morgan D. A. L. The House of policy: the political role of the late Plantagenet household, 1429—1485 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. — L., 1987. — P. 25—70.
13. Coke E. The Institutes of the laws of England, or, a commentary upon Littleton. Pt. 1. 18th ed. — L., 1823. — 344a.
14. Russel C. Op. cit. — P. 50; Graves M. A. R., Silcock R. H. Op. cit. — P. 484.
15. Шенбаум С. Шекспир. Краткая документальная биография. — М., 1985. — С. 57.
16. Там же. — С. 64.

17. Elton G. R. England under the Tudors. — L., 1958. — P. 63.
18. Idem. The Tudor Revolution in Government. — Cambridge, 1953; Reform and renewal: Thomas Cromwell and the Common Wealth. — Cambridge, 1973; Reform and Reformation in England, 1509—1558. — L., 1977.
19. Revolution Reassessed: Revisions in The History of Tudor Government and Administration. / Ed. by Ch. Coleman and D. Starkey. — Oxford, 1986; The English Court: from the War of Roses to the Civil war. — L., 1987.
20. Gay J. A. The Privy Council: revolution / Revolution Reassessed... — P. 59—86.
21. Starky D. Court, Council and Nobility in Tudor England / Court at the Beginning of the Modern Age. — Oxford (Сб. находится в печати. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить доктора Д. Старка за предоставленную мне возможность ознакомиться с содержанием его статьи).
22. Elton G. R. Tudor Government: The points of contact. 11 Council / Idem. Studies in Tudor and Stuart politics and Government. Vol. 3. — Cambridge, 1983. — P. 21—38; Smith A. G. R. The Emergence of a nation state. The commonwealth of England, 1529—1660. — L., 1984. — P. 114—120.
23. Starkey D. Introduction: Court history in perspective / The English Court... — P. 13; Elton G. R. Tudor Government / The Historical journal. — 1988. — Vol. 31, № 2. — P. 432; Starkey D. Tudor Government. the Facts? / Ibid. — 1988. — Vol. 31, № 4. — P. 928.
24. Bowen C. D. Francis Bacon, the temper of men. — Boston, 1963; Knafla L. Law and politics in jacobean England. The tracts of lord chancellor Ellesmere. — Cambridge, 1977; White S. D. Sir Edward Coke and the grievances of the Commonwealth, 1621—1628. — Chapel Hill, 1979.
25. Russel C. Parliaments and English politics, 1621—1629. — Oxford, 1979.
26. Berkowitz D. S. John Selden's formative years. Politics and Society in Early seventeenth-century England. — Washington, 1988. — P. 98—99.
27. Ibid. — P. 55—58.
28. Ogilvie Ch. Op. cit. — P. 25—44, 91—97.
29. Knafla L. A. Op. cit. P. 161—162.
30. Подробнее см.: Кондратьев С. В. Эдуард Кок о королевской канцелярии // Проблемы социальной истории и культуры средних веков. — Л., 1987. С. 109—119.
31. Knafla L. A. Op. cit. P. 105—122; Jones W. J. Op. cit. — P. 50—95, 493.
32. Jones W. J. Op. cit. — P. 317—320.
33. Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E. R. Foster. — New Haven, 1966. — Vol. 1. — P. 280—281, Vol. II. — P. 71.
34. Selden J. Table Talk being the discourse of John Selden. — L., 1899. — P. 43—44.
35. Coke E. Institutes, pt. 4 — P. 84.
36. Holdsworth W. A. Op. cit. — Vol. 1 — P. 221, 238.
37. Coke E. Institutes, pt. 4 — P. 99.
38. Ibidem.
39. Ibid. — P. 100.
40. Ibidem.
41. Ibid. — P. 71.
42. Ibidem.
43. Ibid. — P. 71—72.
44. Ibid. — P. 72.
45. Ibid. — P. 73.
46. Ibid. — P. 74.
47. Ibid. — P. 73.
48. Ibidem.
49. Ibid. — P. 75.
50. См.: Кондратьев С. В. Споры между судами как один из аспектов политической борьбы в Англии в начале XVII в. // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1987. — С. 141—152; Он же. Дискуссия о правовом статусе королевских прокламаций в Англии в начале XVII в. // Вестник ЛГУ. Сер.: история, языковедение, литературоведение, 1987. — Вып. 2. — С. 89—92.

51. Kinshlansky M. A. Parliamentary Selection. Sosial and political Choice in Early Modern England. — Cambridge, 1986.